Десекуляризация мирового сообщества как источник напряженности в международных отношениях и мировой политике

Игорь Васильевич СЛЕДЗЕВСКИЙ

доктор исторических наук, заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований, ФГБУН Институт Африки РАН; профессор РГГУ. Адрес: 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1. E-mail: igor25011904m@yandex.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Следзевский И.В. (2018) Десекуляризация мирового сообщества как источник напряженности в международных отношениях и мировой политике // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 4. С. 30–45. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-30-45

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена роли мировых религий в современных международных отношениях и мировой политике. Исследуется феномен мирового религиозного возрождения, его связь с процессами глобализации, формированием многополюсного, полицивилизационного мира. Цель исследования – анализ тенденций десекуляризации мирового сообщества, причин и возможных последствий этого процесса в глобальном измерении. Статья включает в себя введение, три аналитических раздела и заключение. Во введении представлены феномен мирового религиозного возрождения и подходы к его изучению. Ставится вопрос о десекуляризации мирового сообщества как возможном предмете нового направления международных политических исследований – международного религиоведения. В первом разделе обосновывается тезис о кризисе секулярных основ современной политической системы мира. Анализируется пересмотр основ мирового порядка и стандартов принадлежности к мировому сообществу с позиций возрождающегося религиозного фундаментализма, культурно-политические

и социально-экономические основания этого процесса. Во втором разделе анализируется роль в десекуляризации мирового сообщества политического ислама (исламизма). Отмечается, что наибольшая опасность политизации ислама заключается в возникновении трудно преодолимого цивилизационного разлома внутри мирового сообщества между западным миром (до сих пор уверенным в универсальности своих ценностей) и миром ислама. В третьем разделе рассматриваются возможности предотвращения распада существующей системы международных отношений и столкновения культурных миров, перенесения питающих эти угрозы мировоззрений и моделей мироустройства в плоскость межкультурно-политического диалога. Основное внимание уделено процессам мирополитической институционализации такого диалога и его обоснованию в концепции глобальной этики – целенаправленного согласования и постепенного соединения базовых морально-этических ценностей, заключенных в великих религиозных и культурных традициях ми-

ра. В заключении делается вывод о том, что процесс институционализации цивилизационного диалога (цивилизационной коммуникации) еще не завершен и не приобрел необратимого характера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *мировые религии и мировая политика, религиозное сознание и религиозная идентичность в условиях глобализации, религиозный фундаментализм, десекуляризация мирового сообщества, цивилизационные альтернативы развития международных отношений и мировой политики*

Падение СССР и распад мировой социалистической системы дали толчок распространению возникшей еще в XIX в. универсалистской идеологии всемирного господства западной (евроамериканской) цивилизации как играющей ведущую роль в формировании мирового сообщества и единой мировой культуры современности. Сторонники этой идеологии восприняли как нечто само собой разумеющееся вступление человечества в эпоху глобализации, связывая этот исторический поворот (или «конец истории») со всеобщей, как им казалось в 1990-е гг., победой во всем мире идеалов и принципов либеральной демократии. В качестве доказательства глобального утверждения западных норм и ценностей рассматривалось распространение по всему миру массовой культуры западного типа: проникновение, по выражению американского социолога П.Л. Бергера, присущих этой культуре моделей поведения и сознания «в широкие слои населения во всем мире» [Бергер 2004, с. 14, 19].

Однако уже в конце XX в. универсалистские претензии западной цивилизации столкнулись с серьезными препятствиями и ограничениями, поставившими под сомнение возможности безальтернативного господства за-

падных норм и ценностей во всем мире. Главным и достаточно очевидным основанием для таких сомнений стало возрождение мировых религий, прежде всего христианства и ислама, в качестве основы человеческого и общественно-го бытия. К началу XX в. христианство и ислам не только увеличили число своих адептов в мире (особенно в Африке и Юго-Восточной Азии), но и сформировали влиятельные центры самостоятельного цивилизационного влияния и развития. Ключевое значение в этом смысле имеют, во-первых, усиление религиозного сознания цельного, универсалистского типа, ориентированного на высшие духовные ценности и предполагающего мотивацию этими ценностями социального поведения человека; во-вторых, подъем фундаменталистских религиозно-политических и религиозно-культурных движений, выступающих за решительный отказ от светских ценностей, обновление общества не на основе этих ценностей, а исключительно путем бескомпромиссного возвращения к священным религиозным догматам; в-третьих, легитимация распространения религии в обществе на основе личного выбора человека, его самоидентификации с религиозными группами и движениями как идеальными формами стабильного и справедливого общества, морально-этическими ориентирами, позволяющими справиться с хаосом глобальной культурной конвергенции, аморфностью и чужеродностью глобализирующегося мира. Главным в современной религиозной ситуации, считает Е.А. Степанова, является то, что и новые, и традиционные виды религиозности сосуществуют в общем плюралистическом пространстве, которое по своей природе делает бессмысленным какое-либо принуждение в выборе религиозных предпочтений. А это означает, что вера становится делом личности, а не инсти-

туции [Степанова 2012, с. 43]. Феномен религиозного возрождения во всем мире, отмечает С. Хантингтон, «это реакция на атеизм, моральный релятивизм и потворство своим слабостям, а кроме того – утверждение ценностей порядка, дисциплины, труда, взаимопомощи и солидарности» [Хантингтон 2003, с. 144].

Непосредственно влияя на отношение человека к общественным авторитетам, власти, управлению, переживающие подъем религиозные течения, и в первую очередь течения и организации фундаменталистского типа, неизбежно становятся фактором политики – обретения и устройства власти, ее легитимации и использования. В условиях нарастания транснациональных политических процессов, выходящих за рамки отдельных стран и государств, это обстоятельство превращает возрождение мировых религий в важный, неотъемлемый фактор мировой политики, связанный с отторжением западной цивилизации.

Анализ современной политической системы мира, ее состояния и влияния на основные тенденции и перспективы развития международных отношений, на формирование мировой политики как результата соединения внутри- и внешнеполитических отношений на планете сегодня уже невозможен без учета феномена возрождения мировых религий, «реванша Бога», по выражению французского политолога-арабиста, исламоведа Жюлиа Кепеля. Религиоведение как комплексная научная дисциплина не только проникает в сферу изучения мировой политики, но и становится одной из главных ее составляющих как области научного знания.

Интерес к религиозным аспектам международных отношений и мировой политики начал нарастать с конца 70-х гг. XX в. под влиянием Исламской революции в Иране, хотя еще раньше, в середине 60-х гг., американский исследователь Дж. Х. Проктер посвятил отдельное монографическое исследование обоснованию значения ислама как самостоятельного предмета международно-политической науки [Procter 1965]. Однако предметом широкого и неослабевающего внимания международной политической науки религиозная сфера мирополитических отношений и процессов стала только после трагических событий 11 сентября 2001 г., заставивших осознать факт мирового наступления радикального исламизма. Глобальное религиоведение и мировая политика становятся сопредельными и пересекающимися отраслями научного знания¹. Отмечая растущий интерес к международно-религиозной проблематике в США, американский политолог русского происхождения И.А. Папкова выделяет «восемь пересекающихся, но тем не менее самостоятельных вопросов», определяющих, по ее мнению, формирование данной проблемно-тематической области в американской международно-политической науке: «1) события 11 сентября, их причины и последствия; 2) демократизация арабских стран как способ урегулирования ближневосточного конфликта; 3) исламский терроризм; 4) роль исламского фактора в палестинно-израильском конфликте; 5) внешняя политика Соединенных Штатов Америки после 11 сентября 2001 г.; 6) конфликт цивилизаций; 7) ислам как фактор нестабильности в Азии; 8) цели

1 По данным Библиотеки Конгресса США, которые приводит И.А. Папкова, за период с 2001 г. только на английском языке вышло около 20 монографий, посвященных роли религии, прежде всего ислама, в международных отношениях и мировой политике; проблемы, связанные с ролью религии в международных отношениях, затрагиваются также в сотнях статей, опубликованных в американских академических журналах [Папкова 2010, с. 112].

и средства приверженцев исламистской идеологии на международном уровне» [Панкова 2010, с. 112]. Широкий дисциплинарный «разворот» международному религиоведению в западной политологии придали фундаментальные исследования М. Бергера [Berger 2010], П. Бергера [Berger 1999], С. Доусона [Dawson 2013], Дж. Фокса [Fox 2001], П. Горски [Gorski 2012], Дж. Хайнеса [Haynes 2012], Е. Херда [Hurd 2009; Hurd 2015], Н. Сандала [Sandal, Fox 2013], Дж. Снайдера [Snyder 2011] и др.

Все большее внимание религиозной проблематике современной мировой политики уделяется и в российской международно-политической науке – это работы К.П. Боришполец [Боришполец 2008, с. 198–207], В.Ю. Вершининой [Вершинина 2013, с. 6–111], Н.В. Жданова [Жданов 1991], А.А. Игнатенко [Игнатенко 2004; Игнатенко 2007, с. 7–34], П.И. Касаткина [Касаткин 2010, с. 257–261], Н.А. Ковальского [Ковальский 2000, с. 6–11], Р.Г. Ланды [Ланда 2005], А.В. Малащенко [Малащенко 2006; Малащенко 2007], Г.И. Мирского [Мирский 2002, с. 78–86; Мирский 2010], А.В. Митрофановой [Митрофанова 2008, с. 109–119], А.А. Мишучкова [Мишучков 2015, с. 194–200], М.М. Мchedловой [Мchedлова 2011, с. 70–79], В.В. Наумкина [Наумкин 2009, с. 438–458], С.А. Семедова [Семедов 2009], Е.А. Степановой [Степанова 2012, с. 26–43], А.И. Яковлева [Яковлев 2013, с. 4–38] и др.

Вместе с тем очевидно и то, что новое направление международно-политических исследований сталкивается с целым рядом концептуальных и методологических проблем, затрудняющих выделение этого направления в самостоятельную субдисциплину международной политологии. Международно-политическое религиоведение не обладает пока собственной единой методологией, объединяющей в единое целое теоретический и эмпирический подхо-

ды к изучаемой проблематике. Одной из главных проблем, затрудняющих интеграцию данной исследовательской области, является терминологическая размытость понятия «религия» (религия как мировосприятие, мировоззрение, институт, форма цивилизационного устройства общества?). Спорной проблемой остается также вопрос о необходимости пересмотра существующих парадигм мирополитических отношений и процессов ввиду возникающей конфронтации светской и религиозных моделей глобального мироустройства.

Наличие этих проблем ограничивает возможности определения предметной области международного религиоведения, которое учитывало бы многообразные аспекты взаимодействия современности (модернизационных и глобальных транснациональных процессов и отношений), с одной стороны, и культурно-цивилизационной самобытности, уникального религиозно-исторического опыта народов, стран и регионов мира – с другой. На наш взгляд, такой предметной областью, способной расширить и укрепить междисциплинарные основы действующих парадигм международных отношений и мировой политики, могли бы стать процессы и перспективы десекуляризации мирового сообщества как центрального звена системы международных отношений и мировой политики.

Светский характер действующей мировой политической системы, кризис секулярных основ ее организации

Существующая система международных отношений (Вестфальская система) как форма политического устройства, основанная на нор-

мах, ценностях и образе жизни Европы Нового времени, тяготеет к секулярным принципам политической организации. В XIX–XX вв. светский характер этой системы обеспечивался и в целом продолжает поддерживаться и сегодня преимущественно секулярным характером сложившегося в этот период международного сообщества. Если до XVIII в. к такому сообществу относились почти исключительно христианские народы и государства, то в дальнейшем – уже в рамках светского мировоззрения – таким ключевым культурно-мировоззренческим критерием стала принадлежность к претендующей на мировую универсальность европейской цивилизации. В рамках определившего нормативно-ценностный строй этой цивилизации светского мировоззрения (светская мораль, гражданское право, вытеснение религии и религиозного опыта в сферу частной жизни человека) сложились стандарты «достойного» и «правильного» поведения западных и не-западных государств, определившие конститутивные принципы и условия их принадлежности к мировому сообществу [Gong 1984, pp. 8–12].

В начале XX в. Вестфальская система распространилась практически на весь мир, в том числе на восточные и африканские общества, в которых политическая сфера не отделена четко от религиозно-культурных взаимоотношений общественных групп, а политическая лояльность обуславливается скорее чувством идентичности с какой-либо из этих групп. Тем не менее религиозные принципы отношения к социальной действительности и к миру в целом (встроенность личной судьбы и судьбы земного мира в принципы Высшего Начала, ожидание идеального Царства Божия на земле, приход которого разрешит все локальные и мировые проблемы, спасение как дарение Бога и предельно желательное со-

стояние человека) не повлияли на критерии «правильного», «достойного» поведения в рамках международного сообщества, остались не более чем фоном восприятия светской организации мирового социально-политического пространства и ее главного элемента – национального государства как единственной истинной и легитимной фигуры международных отношений.

Однако к концу XX в. подобное восприятие принципов устройства международных отношений и мирового порядка в целом стало утрачивать былую самоочевидность под влиянием постепенной деструкции – ослабления и деградации базовых принципов Вестфальской системы, прежде всего принципа нерушимости суверенитета национальных государств. Процесс деструкции мирового порядка уже набрал продолжительную силу инерции, соединяя в себе усиливающие друг друга социально-экономические и культурно-цивилизационные разломы в мировой политической системе.

На первый план международной жизни начала выходить – часто резко и бескомпромиссно – тенденция к десекуляризации мирового сообщества и опирающейся на него мировой политической системы. На роль не просто фона, но фигуры глобального мирового порядка, отстраненной от всего «порочного» и «греховного», начали претендовать разнообразные религиозно-политические течения и движения. На их основе сложился и к настоящему времени оформился религиозно-фундаменталистский тип политического мышления и поведения, восприятия ценностей и норм человеческого сообщества, противостоящий прозападной модели модернизации общества и западным, секулярным критериям «цивилизованности».

Пересмотр основ мирового порядка и стандартов принадлежности к ми-

ровому сообществу с позиций религиозного фундаментализма имеет глубокие и достаточно глобальные культурно-политические и социально-экономические основания и не может объясняться исключительно разделенностью, культурной самобытностью отдельных культурных миров человечества (доктрина мультикультурализма). К таким основаниям надо отнести отмеченное выше повышение уровня религиозности населения планеты; перемещение центров глобального христианства из экономически развитых регионов мира – Европы и Северной Америки в развивающиеся страны тропического и экваториального поясов при одновременном изменении типа христианской религиозности – возрождение эсхатологического ожидания скорого пришествия Иисуса Христа (так называемый феномен «южного» христианства) [Андреева 2017, с. 129–145].

Но и эти предпосылки десекуляризации мира невозможно до конца понять и объяснить без учета трудностей и противоречий новой структуры международных отношений, возникшей после окончания холодной войны и разрушения биполярного миропорядка: увеличения разрыва между мировыми геоэкономическими полюсами богатства и бедности, провала многочисленных попыток повсеместного распространения рыночных отношений и ценностей открытого общества западного типа, кризиса во многих странах «третьего мира» как западной, так и советской моделей развития, а также секулярной модели национального государства (государства-нации) и образования в этих странах идеологического вакуума.

Десекуляризацию мира и мировоззренческую составляющую этого процесса – религиозно-фундаменталистский тип политического мышления и поведения в этих условиях – на-

до рассматривать как особую, часто радикальную по своим психологическим и идеологическим установкам реакцию на кризисные явления глобального развития, крайности и социальные издержки узко рационального и технологического подхода к проблемам человеческого существования и трудностям сохранения собственной идентичности в современном мире. Общим знаменателем религиозно-фундаменталистских течений и движений (за исключением некоторых христианских неопротестантских движений) становится отторжение Запада как воплощения культуры неверия (релятивизма), эгоизма и потребительства. Проектам приспособления к глобализирующемуся миру, его запросам и возможностям противопоставляются утопии (утопические проекты) решительного и скорого возвращения всего человечества к изначальной чистоте и боговдохновенности религиозных (сакральных) первооснов человеческого существования.

Ударная сила деконструкции секулярного миропорядка – политический ислам

В силу радикальности и исключительности утопических устремлений религиозного фундаментализма, широких возможностей распространения религиозных утопий в социальных сетях и виртуализации эсхатологических ожиданий в современном медийном пространстве движения за быстрое религиозное переустройство мира становятся сегодня одним из главных источников и факторов быстро растущей напряженности международных отношений, возникновения связанных между собой и поддерживающих друг друга очагов напряженности в самых разных частях мира: от подпольных («спящих») ячеек религиозных радикалов до терри-

ториальных анклавов и зон религиозно-политического контроля и религиозной мобилизации населения. Наиболее широкие масштабы и показательные, демонстративные формы деконструкция мирового порядка приобрела в движениях и течениях современного политического ислама (исламизма). Под влиянием этих движений и течений или опираясь на них, исламский мир бросает сегодня главный вызов светским ценностям и нормам сложившегося и уверенного в своей исключительности светского мирового сообщества.

На протяжении XX в. ислам как религия и общественный закон, несомненно, играл определенную роль в антиколониальных движениях и в региональных конфликтах в Азии и Африке. Однако его значение в системе международной политики и международной безопасности расценивалось экспертами и аналитиками скорее как незначительное или снижающееся. Сегодня можно уже определенно говорить о недооценке роли ислама как интегрирующей и мобилизующей силы общества, фактора развития широких политических движений, внутренней и внешней политики. Политический подъем ислама в виде исламистских движений обычно связывается с победой Исламской революции в Иране в 1978–1979 гг. В действительности политическое пробуждение ислама началось значительно раньше (примерно с середины 60-х гг. XX в.) и явилось прямым следствием отмеченных выше кризисных явлений в развитии мировой политической системы. В большой степени этому способствовало поражение арабских стран в войне с Израилем в июне 1967 г., это событие ослабило и даже подорвало влияние светских (националистических) идеологий (насеризма, баасизма) и подтолкнуло широкие массы населения в мусульманских странах к исламу, мусульманской идентичности в поисках

ответа на вопросы о будущем исламского мира. Иранская революция усилила политизацию происламских настроений, придав этим настроениям характер мобилизующей идеологии исламизма, оппозиционной по отношению к Западу и светским правящим режимам в мусульманских странах. В международном плане радикализации политического ислама содействует социально-экономическая поляризация мира, усиливаемая неравноправностью глобальных социально-экономических отношений. В более широком культурно-историческом плане подъему исламизма способствовало ослабление в XX в. позиций давнего конкурента ислама – мирового христианства, вызванное постепенной дехристианизацией большинства стран Запада – падением роли христианской идентичности и поддержки ее со стороны государства, секуляризацией многих постулатов христианской религии и поощрением антирелигиозных моделей поведения.

На примере исламистских движений хорошо видно, как быстро процессы десекуляризации политической организации общества могут охватывать массы населения и большие группы стран, казалось бы, разделенные государственными границами, различиями в политическом устройстве и внешнеполитических ориентациях. Хорошо видна и деструктивная роль этих процессов в сфере международной безопасности и мироустройства в целом. Эта роль не была бы столь разрушительной, если бы речь шла исключительно о противостоянии светски ориентированных групп местной политической элиты и группировок исламской политической оппозиции. Однако наибольшая опасность политизации ислама заключается в ослаблении или распаде международной среды, контекста культурно-политического диалога между религиозными и светскими моделями развития или, более кон-

кретно, – в возникновении трудно преодолимого цивилизационного разлома внутри самого мирового сообщества между западным миром (до сих пор уверенным в универсальности своих ценностей) и миром ислама. О реальности и нарастании этой опасности говорят, с одной стороны, формирование на Западе (прежде всего, в американских неоконсервативных кругах) виртуального образа ислама как врага западной цивилизации, а с другой – столь же заметный процесс демонизации Запада как мира, восставшего против Бога и Божественного закона, в среде радикальных исламистов [Наумкин 2009, с. 448–454].

Таким образом, возникает поле межкультурной напряженности, в котором соперничают и все более вступают в открытый конфликт противоположные типы мировоззрений, идеалов и систем ценностей. Конфликт возникает в результате создания образа врага в лице противостоящего общества и государства, выросших в недрах иной цивилизации. В нынешних условиях колоссальной технологической и военно-технической мощи любой очаг международной напряженности грозит перерастанием в подобную глобальную катастрофу. Такой возможный исход показывает нынешнее вооруженное противостояние на Ближнем Востоке между исламскими экстремистами и опьяненным сознанием своего военного превосходства лидерами западного мира.

Пути предотвращения глобальных межкультурных конфликтов

Очевидно, что одной из задач современной мировой политики, возможно важнейшей в плане предотвращения распада существующей системы меж-

дународных отношений и столкновения культурных миров, становится деполаризация вызовов, которые начинают бросать друг другу Запад и мир ислама, перенесение питающих эти вызовы мировоззрений и моделей мироустройства в плоскость межкультурного – культурно-политического и межкультурного диалога. Впервые обоснованная в работах А. Тойнби в качестве модели мирового сообщества «с позиций незападного большинства человечества» [Тойнби 1996, с. 167], концепция диалога цивилизаций привлекла к себе большое внимание к концу XX в. после публикации сначала статьи, а затем книги С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Пик интереса к книге Хантингтона совпал с событиями 11 сентября 2001 г. Очень быстро возник мощный генерализирующий смысл этих событий – тотальное противостояние Запада и мусульманского мира, «цивилизованного» мирового сообщества и международного терроризма как нового глобального «варварства». Вполне закономерно, что очень скоро в том же информационно-коммуникационном поле расколотого мира возник смысловой образ с противоположной валентностью – образ идущего поверх любых границ и в противовес любым идеям межкультурных противостояний диалога цивилизаций.

Необходимость такого диалога была быстро осознана в кругах международной дипломатии. На дипломатическом уровне идея диалога цивилизаций была выдвинута членами ООН и поддержана Генеральной ассамблеей этой организации в 1998 г. (резолюция Генеральной ассамблеи 53/22 от 16 ноября 1998 г.). Уже достаточно длительное время продолжается формирование институциональной структуры мирового цивилизационного диалога. Институт диалога цивилизаций возник в 2001 г., ког-

да Генеральная ассамблея ООН провозгласила этот год Годом диалога цивилизаций как проявления «богатства и мудрости всех цивилизаций, выявления и поощрения того, что объединяет цивилизации, в целях устранения общих угроз для единых ценностей, универсальных прав человека и достижений человеческого общества в различных областях» [Резолюция Генеральной ассамблеи ООН 2012, с. 131]. С середины 2000-х гг. происходит процесс институционализации межправительственного и неправительственного партнерства цивилизаций: проект «Альянс цивилизаций», предложенный в 2004 г. Испанией на 59-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, поддержанный Турцией и получивший статус проекта ООН; Международный общественный форум «Диалог цивилизаций», образованный в 2002 г. по инициативе России, Индии и Греции). Характеризуя главные задачи проекта «Альянс цивилизаций», В.М. Давыдов отмечает, что «в поле особого внимания Альянса» находятся «ключевые направления целенаправленного формирования нового общественного сознания в духе толерантности и сотрудничества»: «образовательно-воспитательная сфера, молодежная политика, миграция, средства массовой информации» [Давыдов 2010, с. 17]. Ряд площадок межкультурного диалога создан в мусульманских странах в рамках Организации исламской конференции.

Одной из главных тем работы этих организаций (прежде всего Альянса цивилизаций) становится преодоление религиозно-политических конфликтов, в том числе на почве ислама. Развивая эту тему, группа ученых из мусульманских стран подготовила и приняла 13 декабря 2014 г. в рамках Форума Альянса цивилизаций резолюцию «Отвергая религиозный экстремизм и продвигая духовное благополучие обще-

ства». В документе говорится о категорическом неприятии насильственного религиозного экстремизма; о благотворном влиянии возвышенной этической и духовной силы религии, способной исцелить человеческое общество, обеспечить безопасность и мир среди людей, обеспечить достоинство и права человека [Мишучков 2015, с. 198].

Но как общезначимый, практический проект преобразования мирового сообщества парадигма диалога (партнерства) цивилизаций только складывается. Продуманное и концептуально развернутое содержание эта парадигма получила в книге «Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями», названной манифестом новой модели глобальных отношений [Абулмагд, Ариспе, Ашрави, Кардозу 2002]. Книга была подготовлена по приглашению секретариата ООН группой ведущих интеллектуалов из разных стран мира.

Содержание новой парадигмы замкнуто на смысловом образе «мира без границ». «Мир без границ» представлен как сегодняшняя реальность мирового общения – «организация вне рамок традиционных институтов неформальных форумов, на которых поднимаются многосторонние проблемы, предлагаются решения и идет поиск ответов на различные вопросы», изучение всем «международным сообществом» вопросов, «которые считались внутренними проблемами государств», прямая подотчетность людей международному праву («в то время как раньше лишь государство считалось ответственной стороной»).

Но что способно обеспечить признание новой парадигмы мировым сообществом – предложить такую логику осмысления глобального мира, которая сделала бы очевидными и несомненными «ростки новой парадигмы» и обеспечила бы ее перевес над моделью мира разделенного. Это самый трудный

вопрос в обосновании парадигмы «мира без границ». Если бы такая логика существовала, т.е. была бы единой для всех культур и цивилизаций, то дело заключалось бы в сознательном движении отдельных культурных миров друг к другу. Для мира, в котором все большее значение приобретают культурно-религиозные различия, а некоторые мировые религии (прежде всего ислам) превращаются, по определению П.П. Яковлева, в «средство противостояния глобализационным процессам и в инструмент сильного воздействия на сферу межгосударственных отношений» [Яковлев 2010, с. 41], возможность такого, выстроенного на едином культурном основании глобального мира, минимизируется. Трудность заключается прежде всего в природе культурной и религиозной идентичности: не может быть целиком единым то, что уже изначально несет в себе неравное отношение к самому себе и людям другой культуры и религии. Учитывая неизживаемость этих различий, сторонники «мира без границ» предлагают положить в основу глобального межличностного и международного общения простое и понятное морально-этическое правило: обращаться с каждым человеком по-человечески. Этому правилу в парадигме «мира без границ» придается универсальный и однозначный смысл: «в любой из своих формулировок она разделяется всеми великими этическими и религиозными традициями».

Этическая парадигма мирового сообщества сегодня имеет уже немало сторонников. Формированию и распространению ее особого мирополитического проекта (по существу, вероучения) способствует движение за глобальную этику, или макроэтическое течение глобализма. Основатель этого течения немецко-швейцарский теолог Ганс Кюнг выступил в 1991 г. с так называемым проектом «всемирного это-

са» – целенаправленного согласования и постепенного соединения на уровне базовых ценностей великих религиозных и культурных традиций мира. Уже в 1990-е гг. движение за глобальную этику приобрело известность и влияние в общественных и политических кругах стран Запада, а также, что важно с точки зрения влияния на мировое сообщество, в среде авторитетных международных политических организаций и сообществ (ЮНЕСКО, Всемирный экономический форум в Давосе). Увязываемые с реформой мировой политической системы, идеи макроэтики превратились в 2000-е гг. в особое направление идеологии глобализма – идеологию этической глобализации, суть которой состоит в том, что глобализация не может ограничиваться только сферами политики и экономики, но ради блага всего человечества должна осуществляться также и прежде всего в сфере этических ценностей, норм и стандартов поведения.

Итак, философская идея диалога цивилизаций приобрела в настоящее время развернутое идеологическое и организационное воплощение. Вместе с тем процесс институционализации цивилизационного диалога (межцивилизационной коммуникации) еще не завершен, он не приобрел необратимого характера, не стал внутренне необходимым, системным качеством организации и самосознания переживающего кризис мирового сообщества. Альтернативой межцивилизационной стабильности международных отношений и мирового порядка может стать – при дальнейшем росте международной напряженности – деинституционализация, кризис и делигитимация институтов цивилизационного диалога.

Укреплению и повышению эффективности диалога – на уровне массо-

вой религиозной культуры и религиозных движений – могла бы способствовать, по нашему мнению, организация на постоянной основе контактов крупных религиозных общин с институтами мирового сообщества, и прежде всего – с институтами ООН. Предпосылки для этого может создать образование при ООН Международного совета по делам религий (или Совета всемирного межконфессионального диалога), в который могли бы войти представители и, возможно, духовные лидеры крупнейших конфессий мира, ученые и эксперты из различных стран мира. Безусловно, необходимо вовлечение в организованный цивилизационный диалог на темы сближения Востока и Запада, цивилизационных ценностей ислама и христианства, а также утверждения принципов глобальной этики (этической парадигмы миропорядка) влиятельных политических лидеров и религиозных авторитетов христианского и исламского миров. Стимулом к такому диалогу могло бы стать признание и изучение идеологии исламизма как альтернативного западным ценностям мировоззрения, религиозно-политической модели мироустройства.

Список литературы

Абулмагд А.К., Ариспе Л., Ашрави Х., Кардозу Р. (2002) Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями. М.: Логос.

Андреева Л.А. (2017) Феномен «Южного христианства» в Тропической Африке в XXI веке: характерные черты и тенденции цивилизационного развития // Цивилизационные альтернативы Африки. Т. II. М.: Институт Африки РАН. С. 129–145.

Бергер П.Л. (2004) Введение. Культурная динамика глобализации // Бер-

гер П.Л., Хантингтон С. (ред.) Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М.: Аспект Пресс. С. 8–26.

Библер В.С. (1991) От наукоучения – к логике культуры (Два философских введения в двадцать первый век). М.: Политиздат.

Боришполец К.П. (2008) За что боремся? // Лебедева М.М. (ред.) «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты. М.: Московский государственный институт международных отношений. С. 190–208.

Вершинина В.Ю. (2013) Религиозный фактор международных отношений в XXI веке // Актуальные проблемы современных международных отношений. № 1. С. 6–11.

Давыдов В.М. (2010) Альянс цивилизаций – исторический императив // «Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации). Сборник материалов «круглого стола». М.: Институт Латинской Америки РАН. С. 13–18.

Жданов Н.В. (1991) Исламская концепция миропорядка. М.: Международные отношения.

Игнатенко А.А. (2004) Ислам и политика. М.: Институт религии и политики.

Игнатенко А.А. (2007) Ислам в XXI веке: главные направления исследований // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. № 4. С. 7–34.

Касаткин П.И. (2010) О роли религиозных акторов в современных мировых политических процессах // Вестник Московского государственного института международных отношений – Университета. № 1. С. 257–261.

Ковальский Н.А. (2000) Религиозный фактор: проблемы влияния на мировую политику // Религия и политика на рубеже двух тысячелетий. М.: Экслибрис-Пресс. С. 5–11.

Ланда Р.Г. (2005) Политический ислам: предварительные итоги. М.: Институт Ближнего Востока.

Малашенко А.В. (2006) Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Весь мир.

Малашенко А.В. (2007) Ислам для России. М.: РОССПЭН.

Мирский Г.И. (2002) «Политический ислам» и западное общество // Полис. Политические исследования. № 1. С. 78–86.

Мирский Г.И. (2010) Ислам: история и современность // Новая и новейшая история. № 1. С. 3–20.

Митрофанова А.В. (2008) Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. № 1. С. 109–119.

Мишучков А.А. (2015) Стратегия мусульманского проекта диалога цивилизаций // Вестник Оренбургского государственного университета. № 8. С. 194–200.

Мчедлова М.М. (2011) Религия и политика: возможные интерпретации новых реалий // Ценности и смыслы. № 3. С. 70–79.

Наумкин В.В. (2009) Ислам как «коллективный игрок» // Богатуров А.Д. (ред.) Современная мировая политика: Прикладной анализ. М.: Аспект Пресс. С. 438–458.

Папкова И.А. (2010) Религия и международные отношения: состояние дисциплины в США // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. № 1. С. 112–117.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями» (2012) // Партнерство цивилизаций. № 1. С. 130–135.

Семедов С.А. (2009) Ислам в политике: идеология и практика. М.: Экон-Информ.

Степанова Е.А. (2012) Вера и толерантность // Шахнович М.М., Чу-

макова Т.В., Стецкевич М.С., Терюкова Е.А. (ред.) Религия в меняющемся мире. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. С. 26–43.

Тойнби А.Дж. (1995) Цивилизация перед судом истории. Постигание истории. Мир и Запад. М.: Прогресс; СПб.: Культура.

Хантингтон С. (2003) Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.

Яковлев А.И. (2013) Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму // Вестник Московского государственного университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. № 4. С. 4–38.

Яковлев П.П. (2010) Столкновение или альянс цивилизаций? Новые вызовы международному сообществу // «Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации). Сборник материалов «круглого стола». М.: Институт Латинской Америки РАН. С. 19–42.

Berger M. (2010) Religion and Islam in Contemporary International Relations, Hague: Netherlands Institute of International Relations.

Berger P. (1999) The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics, Washington Ethic and Public Policy Center.

Dawson S. (2013) The Religious Resurgence and International Relations Theory // Religious Studies Review, no 39, pp. 201–221.

Fox J. (2001) Religion as an Overlooked Element of International Relations // International Studies Review, vol. 3, no 3, pp. 53–73.

Gong G.W. (1984) The Standard of “Civilization” in International Society, Oxford: Clarendon Press.

Gorski P.S. (2012) The Post-secular in Question: Religion in Contemporary Society, N.Y.: Social Science Research Council.

Haynes J. (2012) Religion, Politics, and International Relations: Change and Continuity // *Global Policy*, no 3, pp. 251–252.

Hurd E.Sh. (2009) *The Politics of Secularism in International Relations*, Princeton: Princeton University Press.

Hurd E.Sh. (2015) *Beyond Religious Freedom: The New Global Politics of Religion*, Princeton: Princeton University Press.

Procter J.H. (1965) *Islam and International Relation*, New York: Frederick A. Praeger.

Santal N.A., Fox J. (2013) *Religion in International Relations Theory: Interactions and Possibilities*, N.Y.: Routledge.

Snyder J.L. (2011) *Religion and International Relations Theory*, N.Y.: Columbia University Press.

Desecularization of the World Community as Tension Source in the International Relations and World Politics

Igor V. SLEDZEVSKIY

DSc in History, Head of the Center of the Civilization and Regional Researches, FGBUN Institute for African Studies Africa of RAS; Professor, Russian State Humanitarian University. Address: 30/1, Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russian Federation. E-mail: igor25011904m@yandex.ru

CITATION: Sledzevskiy I.V. (2018) Desecularization of the World Community as Tension Source in the International Relations and World Politics. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 4, pp. 30–45 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-30-45

ABSTRACT. Article is devoted to a role of world religions in the modern international relations and world politics. The phenomenon of world religious revival, his connection with globalization processes, formation of the multi-polar, polycivilization world is investigated. A research objective is the analysis of tendencies of a desecularization of the world community, the reasons and possible consequences of this process in global measurement. Article includes Introduction, three analytical sections and the Conclusion. In Introduction the phenomenon of world religious revival and approaches to his studying is presented. It is asked about a desecularization of the world community as a possible subject of the new direction of the international political researches – the international religious studies. The thesis about

crisis of secular bases of modern political system of the world is proved in the first section. Revision of bases of a world order and standards of belonging to the world community from positions of the reviving religious fundamentalism, the cultural and political and social and economic bases of this process are considered. In the second section the role in a desecularization of the world community of political Islam (Islamism) is analyzed. It is noted that the greatest danger of politicization of Islam consists in emergence of difficult surmountable civilization break in the world community between the Western world (still confident in universality of the values) and the world of Islam. In the third section the possibilities of prevention of disintegration of the existing system of the international relations and collision of the cul-

tural worlds are considered. The main attention is paid to processes of a global political institutionalization of such dialogue and its justification in the concept of global ethics – purposeful coordination and gradual connection of the basic moral and ethical values concluded in great religious and cultural traditions of the world. In the final section of article the conclusion is drawn that process of an institutionalization of civilization dialogue (civilization communication) it isn't finished yet and didn't become irreversible.

KEY WORDS: world religions and world politics, religious consciousness and religious identity in the conditions of globalization, religious fundamentalism, a desecularization of the world community, civilization alternatives of development of the international relations and world politics

References

- Aboulmagd A.K., Arizpe L., Ashrawi H., Cardoso R. (2002) *Preodolevaya bar'ery. Dialog mezhdru tsivilizatsiyami* [Crossing the Divide. Dialogue among Civilizations], Moscow: Logos.
- Andreeva L.A. (2017) Fenomen «Yuzhnogo khristianstva» v Tropicheskoy Afrike v XXI veke: kharakternye cherty i tendentsii tsivilizatsionnogo razvitiya [“The Southern Christianity” in Tropical Africa in the XXI Century: Characteristic Features and Tendencies of Civilization Development]. *Tsivilizatsionnye al'ternativy Afriki*. T. II. [Civilization Alternatives of Africa. Vol. II], Moscow: Institute for African Studies, RAS, pp. 129–145.
- Berger M. (2010) *Religion and Islam in Contemporary International Relations*, Hague: Netherlands Institute of International Relations.
- Berger P. (1999) *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*, Washington Ethic and Public Policy Center.
- Berger P.L. (2004) Vvedenie. Kul'turnaya dinamika globalizatsii [Introduction. Cultural Dynamics of Globalization]. *Mnogolikaya globalizatsiya. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire* [Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World] (eds. Berger P.L., Huntington S.P.), Moscow: Aspekt Press, pp. 8–26.
- Bibler V.S. (1991) *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek* [From Scientific Doctrines – to Culture Logic: Two Philosophical Introductions to the XXI Century], Moscow: Publishing house of political literature.
- Borishpolets K.P. (2008) Za chto bo-remsya? [What We Fight for?]. «Privatizatsiya» mirovoj politiki: lokal'nye dejstviya – global'nye rezul'taty [“Privatization” of World Politics: Local Actions – Global Results] (ed. Lebedeva M.M.), Moscow: Moscow State Institute of International Relations, pp. 190–208.
- Davydov V.M. (2010) Al'yans tsivilizatsij – istoricheskij imperative [Alliance of Civilizations – a Historical Imperative]. «Al'yans tsivilizatsij» (trudnyj dialog v usloviyakh globalizatsii). *Sbornik materialov «kruglogo stola»* [“Alliance of Civilizations” (Difficult Dialogue in the Conditions of Globalization). Collection of Materials of “a Round Table”], Moscow: Institute of Latin America, RAS, pp. 13–18.
- Dawson S. (2013) The Religious Resurgence and International Relations Theory. *Religious Studies Review*, no 39, pp. 201–221.
- Fox J. (2001) Religion as an Overlooked Element of International Relations. *International Studies Review*, vol. 3, no 3, pp. 53–73.
- Gong G.W. (1984) *The Standard of “Civilization” in International Society*, Oxford: Clarendon Press.
- Gorski P.S. (2012) *The Post-secular in Question: Religion in Contemporary Society*, N.Y.: Social Science Research Council.

Haynes J. (2012) Religion, Politics, and International Relations: Change and Continuity. *Global Policy*, no 3, pp. 251–252.

Huntington S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsij* [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order], Moscow: AST.

Hurd E.Sh. (2009) *The Politics of Secularism in International Relations*, Princeton: Princeton University Press.

Hurd E.Sh. (2015) *Beyond Religious Freedom: The New Global Politics of Religion*, Princeton: Princeton University Press.

Ignatenko A.A. (2004) *Islam i politika* [Islam and Policy], Moscow: Institute of religion and policy.

Ignatenko A.A. (2007) Islam v XXI veke: glavnye napravleniya issledovaniy [Islam in the XXI Century: Main Directions of Researches]. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz*, no 4, pp. 7–34.

Kasatkin P.I. (2010) O roli religioznykh aktorov v sovremennykh mirovykh politicheskikh protsessakh [About a Role of Religious Actors in Modern World Political Processes]. *The Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo instituta mezhdunarodnykh otnoshenij – Universiteta*, no 1, pp. 257–261.

Koval'skij N.A. (2000) Religioznyj faktor: problemy vliyaniya na mirovuyu politiku [Religious Factor: Problems of Influence on World Politics]. *Religiya i politika na rubezhe dvukh tysyacheletij* [Religion and Politics at the Turn of Two Millennia], Moscow: Ekslibris-Press, pp. 5–11.

Landa R.G. (2005) *Politicheskij islam: predvaritel'nye itogi* [Political Islam: Preliminary Results], Moscow: Institute of the Middle East.

Malashenko A.V. (2006) *Islamskaya al'ternativa i islamistskij projekt* [Islamic Alternative and Islamic Project], Moscow: Whole world.

Malashenko A.V. (2007) *Islam dlya Rossii* [Islam for Russia], Moscow: ROSSPEN.

Mchedlova M.M. (2011) *Religiya i politika: vozmozhnye interpretatsii* no-

vykh realij [Religion and Policy: Possible Interpretations of New Realities]. *Tsennosti i smysly*, no 3, pp. 70–79.

Mirskij G.I. (2002) «Politicheskij islam» i zapadnoe obshchestvo [“Political Islam” and Western Society]. *Polis*, no 1, pp. 78–86.

Mirskij G.I. (2010) Islam: istoriya i sovremennost' [Islam: History and Present]. *Novaya i novejschaya istoriya*, no 1, pp. 3–20.

Mishuchkov A.A. (2015) Strategiya musul'manskogo proekta dialoga tsivilizatsij [Strategy of the Muslim Project of Dialogue of Civilizations]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 8, pp. 194–200.

Mitrofanova A.V. (2008) Religioznyj faktor v mirovoj politike i problema «tsivilizatsij» [Religious Factor in World Politics and a Problem of “Civilizations”]. *Vek globalizatsii*, no 1, pp. 109–119.

Naumkin V.V. (2009) Islam kak «kollektivnyj igrok» [Islam as “the Collective Player”]. *Sovremennaya mirovaya politika: Prikladnoj analiz* [Modern World Politics: Applied Analysis] (ed. Bogaturov A.D.), Moscow: Aspect Press, pp. 438–458.

Papkova I.A. (2010) *Religiya i mezhdunarodnye otnosheniya: sostoyanie diszipliny v SShA* [Religion and International Relations: a Condition of Discipline in the USA]. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz*, no 1, pp. 112–117.

Procter J.H. (1965) *Islam and International Relation*, New York: Frederick A. Praeger.

Rezolyutsiya General'noj Assamblei OON «Global'naya povestka dnya dlya dialoga mezhdru tsivilizatsiyami» (2012) [The Resolution of the United Nations General Assembly “The Global Agenda for Dialogue between Civilizations”]. *Partnerstvo tsivilizatsij*, no 1, pp. 130–135.

Sandal N.A., Fox J. (2013) *Religion in International Relations Theory: Interactions and Possibilities*, N.Y.: Routledge.

Semedov S.A. (2009) *Islam v politike: ideologiya i praktika* [Islam in Policy: Ide-

ology and Practice], Moscow: Ekon-Inform.

Snyder J.L. (2011) *Religion and International Relations Theory*, N.Y.: Columbia University Press.

Stepanova E.A. (2012) Vera i tolerantnost' [Belief and Tolerance]. *Religiya v menyayushhemsya mire* [Religion in the Changing World] (eds. Shakhnovich M.M., Chumakova T.V., Stetskevich M.S., Teryukova E.A.), St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University, pp. 26–43.

Toynbee A.J. (1995) *Tsivilizatsiya pered sudom istorii. Postizhenie istorii. Mir i Zapad* [Civilization on Trial], Moscow: Progress; St. Petersburg: Culture.

Vershinina V.Yu. (2013) Religioznyj faktor mezhdunarodnykh otnoshenij v XXI veke [Religious Factor of the International Relations in the XXI Century]. *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenij*, no 1, pp. 6–11.

Yakovlev A.I. (2013) Religioznyj faktor v mirovoj politike v e'pokhu global-

izatsii: ot sekulyarizatsii k fundamentalizmu [The Religious Factor in World Politics during a Globalization Era: from Secularization to Fundamentalism]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, no 4, pp. 4–38.

Yakovlev P.P. (2010) Stolknovenie ili al'yans tsivilizatsij? Novy'e vy'zovy mezhdunarodnomu soobshchestvu [Collision or Alliance of Civilizations? New Calls to the International Community]. «Al'yans tsivilizatsij» (*trudnyj dialog v usloviyakh globalizatsii*). *Sbornik materialov «kruglogo stola»* [“Alliance of Civilizations” (Difficult Dialogue in the Conditions of Globalization). Collection of Materials of “a Round Table”], Moscow: Institute of Latin America, RAS, pp. 19–42.

Zhdanov N.V. (1991) *Islamskaya kontseptsiya mirovoryadka* [Islamic Concept of World Order], Moscow: International Relations.